

На правах рукописи

ЧУВАРДИН ГЕРМАН СЕРГЕЕВИЧ

**Офицерский корпус российской императорской гвардии
в системе военной и военно-политической элиты Российской империи
1881-1914 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Брянск – 2017

Работа выполнена на кафедре истории российской государственности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Зверев Василий Васильевич

Официальные оппоненты: **Гребёнкин Игорь Николаевич**, доктор исторических наук, доцент, кафедра истории России ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», профессор
Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Центр «XX век: социально-политические и экономические проекты» ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской Академии наук», главный научный сотрудник, руководитель Центра
Николаев Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, кафедра русской истории факультета истории и социальных наук ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», заведующий

Ведущая организация: ФГБУН «Институт российской истории Российской Академии наук»

Защита состоится 10 ноября 2017 г. в 10.00 на заседании Диссертационного совета Д 199.053.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241036, Брянск, ул. Бежицкая 14, корп. 3, ауд. 320

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского и на сайте <http://istsovet-brgu.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.В. Федин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы. С момента своего возникновения Российское государство вынуждено было вести многочисленные войны, постоянно совершенствуя один из важнейших инструментов выживания – армию. Постепенно война превратилась в неотъемлемый и значимый элемент отечественной культуры, а степень «здоровья» русского войска стала определять степень «здоровья» общества в целом. Изучение военного прошлого страны является важнейшей частью отечественной исторической науки, военная история влияет на формирование самосознания нации, определяет ее внутреннюю сплоченность, опирающуюся на патриотическое начало.

На всем отрезке изучения становления и эволюции российской военной машины внимание историков было приковано к армии как социальному организму. При этом особое внимание уделялось лицам, стоящим во главе русского войска, но возможность объективного анализа и оценки его высшего командного состава была очерчена идеологическими и культурными границами той эпохи, в которой эти исследования осуществлялись. На современном отрезке времени возникла уникальная возможность для комплексного обобщения того колоссального материала, который был аккумулирован историками предыдущих эпох.

Военные конфликты современного периода убедительно продемонстрировали важнейшую роль искусства управления войсками, а также понимание целесообразности и объема применения военной силы. Это актуализировало вопрос о необходимости переосмысления роли высшего командного состава армии как военной элиты, его места не только в военном сегменте социальной жизни, но и общества в целом. Именно качество отдельных групп военной элиты в сочетании с умелым политическим руководством, управлением противником и манипуляцией общественным мнением определяет успешность разрешения современных конфликтов. Изучение социальной истории военной элиты дает объективную оценку не только исторического прошлого, но и определяет основные векторы военного строительства в настоящем. «Элитистский» подход позволяет более полно высветить существо отдельных социальных систем и микроструктур, осуществить полноценную стратификацию общества, определить посредством анализа социального пространства его основные приоритеты, позволяет создать полноценную картину исторического прошлого как системы войны. Очевидно и то, что на протяжении значительного отрезка истории нашего государства им управляли различные группы «силовики», которые можно обозначить терминами «военная» и «военно-политическая» элиты (активно эксплуатируемыми в американской «радикальной социологии»). Не является исключением из правил советский период и современный отрезок времени.

Актуальность темы диссертации вытекает из очевидной идентичности современного исторического этапа процессам, происходившим в России в рассматриваемый период. Богатая источниковая база позволяет экстраполировать структуры элиты, сложившейся в 80-е гг. XIX – нач. XX в., как на советскую, так и на современную российскую социальные модели, осуществить компаративный анализ социокультурного и мировоззренческого пространства. При этом особое внимание стоит уделить не столько самой власти в варианте её «топа», сколько тем группам, которые помогают этой власти (как системе социальных институтов) власть удержать. И решающую роль в данном случае продолжают играть военная элита и военные (и полувоенные) формирования, ей управляемые.

Объект исследования. Объектом исследования является военно-политическая и военная элиты Российской империи (речь идет об армии «мирного времени»), при этом в качестве самостоятельного сегмента выделяется офицерский корпус и в первую очередь генералитет российской императорской гвардии («гвардейский генералитет»).

Предмет исследования. Предметом исследования выступает социокультурное пространство, порождаемое представителями анализируемых социальных групп и категорий. Внимание акцентируется как на особенностях морфологии рассматриваемых социальных образований и генерируемых ими институциональных сред, так и на механизмах элитообразования, внутрикорпоративных процессах и процедурах взаимодействия между различными группами элит, механизмах мутации элит, мировоззренческой и психоментальной организации.

Хронологические рамки исследования. 1881–1914 гг. Хронологические рамки исследования предполагают выделение периода с начала правления императора Александра III (назначения новым военным министром генерала от инфантерии П.С. Ванновского, при котором происходит процесс оформления армии «мирного времени»). Верхним хронологическим порогом является начало Первой мировой войны (при этом отслеживаются события боевых действий первых месяцев противостояния, до осени 1914 г., что необходимо для выявления способности армии «мирного времени» и сформировавшихся в ее формате военно-политической и военной элит реагировать на вызовы истории).

Территориальные рамки исследования. Территориальные рамки исследования охватывают пространство Российской империи в границах дислокации отдельных групп и категорий военно-политической и военной элит. Особое внимание уделяется местам размещения императорской гвардии, в первую очередь Санкт-Петербургскому военному округу.

Степень изученности проблемы. Степень научной разработанности проблемы рассматривается во втором параграфе первой главы диссертации.

Цель работы. Целью исследования является комплексное изучение военной и военно-политической элиты Российской империи как социокультурного феномена и определение места офицерского корпуса российской импе-

раторской гвардии (в первую очередь в формате гвардейского генералитета, а в отдельных случаях – старших полковников) в ней в период правления императоров Александра III – Николая II.

Поставленная цель определяет **круг задач нашего исследования, для решения которых мы предполагаем:**

- определить общие тенденции изучения военной и военно-политической элиты в отечественной и зарубежной историографии;
- выявить основные группы членства военной и военно-политической элиты в период правления императоров Александра III – Николая II: проанализировать их актуальное состояние и принципы стратификации;
- изучить институциональную составляющую военно-политической и военной элиты империи: элитообразующие структуры и основные институты, сложившиеся в процессе эволюции указанных групп элиты;
- провести комплексный анализ механизмов элитообразования применительно к эпохам Александра II – Александра III; проследить особенности процесса мутации путей элитообразования к началу Первой мировой войны;
- определить особое место российской императорской гвардии в системе военной элиты и основных элитообразующих институтов;
- осуществить развернутый просопографический анализ гвардейского генералитета, определить его воздействие на пути развития военной машины российской империи;
- проанализировать влияние деградации императорской гвардии как уникальной элитообразующей структуры на кризис политического режима и последующую его социальную трансформацию;
- выстроить сценарии повседневности военной элиты как культурного феномена; проанализировать основные психоментальные проекции и идеологические установки военной элиты указанного отрезка времени: выявить пути эволюции, фазы и механизмы «перехода» и «надлома».

Источниковая база исследования. Подробный анализ источниковой базы исследования осуществляется в третьем параграфе первой главы диссертации.

Методологическая основа исследования. Основу методологического поля составляют базовые общенаучные принципы: объективности, историзма, исторического детерминизма и системности.

Для полноты раскрытия проблемных полей использовалась система специально-исторических методик, представленных комбинациями проблемно-хронологического, историко-генетического и историко-типологического методов.

Исследование очевидно выходит за границы «старой» социальной истории и развивается в сторону социокультурной парадигмы, характерной для значительной части современных исторических, а также смежных по объекту и методологическим приемам научных разработок. Это порождает необходимость использования отдельных приемов, характерных для «постистории». В частности, в области количественного и качественного анализа использу-

ются методы просопографии, направленные на создание баз данных отдельных групп военно-политической и военной элит с целью построения их «коллективного портрета».

Анализ значительного массива источников личного происхождения потребовал привлечения приемов современной семиотики, контент- и дискурс-анализа, «обоснованной теории». В исследовании также эксплуатировались методические приемы, характерные для жанров «другой социальной истории», «новой биографии», «микроистории» (и отдельного формата «культуры повседневности»), отдельных течений исторической и военной психологии.

Диссертационное исследование ориентировано на междисциплинарный подход. В методический аппарат были интегрированы отдельные приемы, характерные для жанра «социологии политики», «социологии войны», «современной социометрии». В указанном формате активно использовался выборочный метод, метод комплексного анализа генеральной совокупности, компаративный подход. Также применялись отдельные извлечения из различных течений элитологии как самостоятельного тренда в системе современной социологии и политологии.

Научная новизна. Впервые в отечественной науке осуществлена относительно полная стратификация военно-политической элиты Российской империи (с определением индекса социальной позиции и системы иерархии) в заявленных хронологических рамках. Дается авторская интерпретация таких явлений, как военная и военно-политическая элиты, выявляется их социокультурное пограничье, детально прослеживаются процессы их социальной мутации. Исследование опирается на оригинальные (авторские), значительные по информационному объему базы данных, составленных в рамках просопографического метода.

Впервые был выявлен комплекс оригинальных неопубликованных источников по заявленной исследовательской теме. Предпринята их систематизация и проведена экспертиза их пертинентности. В научный оборот был возвращен массив дореволюционных научных работ, затрагивающих отдельные аспекты исследования.

Предпринимается демаркация заявленных социальных совокупностей на военную и военно-политическую элиты. Впервые эти образования рассматриваются в ареале анализа феномена армии «мирного времени». Изучены ранее практически не затрагиваемые вопросы элитообразования, выделены главные элитообразующие структуры. Выявлена система стереотипов и основных поведенческих кодов.

В работе осуществляется комплексный анализ корпоративных и матримонимальных связей между отдельными представителями рассматриваемых социальных групп. Рассматриваются особенности повседневности в форматах типичного и атипичного (девиантного) поведения. Впервые анализируется пространство переживаний и особенности мировоззренческих установок.

Особое место в работе занимает анализ офицерского корпуса императорской гвардии как целостного социального образования (в формате Гвардейского корпуса). При этом гвардия рассматривается как динамично развивающееся явление, во многом детерминированное общим характером эволюции государственной власти, и тесно связанное с высшими стратами политического бомонда империи.

Научно-практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в разработке и чтении курсов по отечественной и зарубежной истории XIX – нач. XX вв. в рамках ее отдельных составляющих и жанров: военной и социальной истории, истории повседневности, исторической антропологии, а также специализированных курсов, затрагивающих механизмы реконструкции социального пространства власти и отдельных групп элит.

Методологические подходы и общая методика исследования, разработанная и освоенная в диссертации, могут быть использованы в дальнейшем при изучении проблематики, соприкасающейся с тематическими полями данной диссертации.

Выносимые на защиту положения. На защиту выносятся следующие ключевые положения исследования:

- 1) в ходе проведенного анализа из *элитологии* как целостного научного явления был выделен сегмент аналитических исследований, связанный с изучением феномена военной элиты, определены основные подходы к ее изучению;
- 2) в соответствии с разработанной автором классификацией были определены *макро- и микроуровни* военной элиты. Было выявлено, что на макроуровне военная элита Российской империи смыкалась с политической элитой и фактически составляла с ней единое целое, *образуя слой военно-политической элиты*. Она включала в себя великокняжескую корпорацию (императоров, великих князей, князей «императорской крови») и представителей отдельных влиятельных аристократических кланов.

В отличие от военно-политической, военная элита была представлена *тремя подгруппами*:

- многочисленными *креатурами*, добившимися своего положения благодаря связям с топом военно-политической и политической элиты (что не исключало прохождения всех необходимых ступеней карьерной лестницы, позволяющего проникнуть в «ближний круг» влиятельных властных фигур – в данном случае показателен пример офицеров, причисленных к Свите Е.И.В., личных адъютантов и доверенных лиц);
- интенсивно нарождающейся с 1880-х гг. *меритакратической элитой*, в среде которой нами был выявлен слой военных чиновников (военная бюрократия) и слой военных интеллектуалов (офицеров Генерального штаба – генштабистов);

- еще одну группу составлял слой *«военных убийц»*, получивших социальное признание благодаря отваге на поле боя (боевые генералы, в основной своей массе георгиевские кавалеры).

3) впервые была выделена и проанализирована группа *«псевдоэлиты»*: особые микросоциальные среды Военного Совета и Александровского комитета раненых;

4) был сделан вывод о том, что несмотря на относительно успешные реформы графа Д.А. Милютина (*«маховик»* его реформ был серьезно заторможен *«косметическими преобразованиями»* П.С. Ванновского), радикальной трансформации военной элиты не произошло – в России так и не удалось создать корпорацию *«военной меритократии»*, что не могло не сказаться на качестве ведения войны. В начале правления Николая II прослеживается процесс риверсии, приводящий к столкновению взаимоисключающих механизмов рекрутирования отдельных групп элит. Это не могло не породить конфликт между их представителями, являвшийся вплоть до Первой мировой войны серьезным тормозом на пути создания полноценной высокоэффективной армии;

5) на основе анализа значительного по объему социологического материала было определено, что важное место в понимании феномена военной элиты занимал процесс элитообразования, решающую роль в котором по-прежнему играла императорская гвардия. На рубеже XI – XX вв. обозначились новые элитобразующие структуры (Николаевская академия Генерального штаба и Михайловская артиллерийская академия), но процесс вытеснения традиционных институтов шел крайне медленно и встречал значительное сопротивление. Был сделан вывод о том, что только после русско-японской войны гвардия перестала играть исключительную роль, постепенно уступая место генштабистам.

Анализ представителей данной корпорации показал сомнительный характер рассуждения ряда современных исследователей на тему высокопрофессиональных качеств офицеров Генерального штаба нач. XX в. Полученные в академии знания чаще всего имели поверхностный, бессистемный, а зачастую устаревший характер. При этом подавляющая часть офицеров Генерального штаба не имела опыта работы *«в поле»*;

б) основная часть работы посвящена комплексному изучению гвардии и гвардейского генералитета, выступающего важнейшей составляющей как военно-политической, так и военной элит Российской империи. Исследователь делает оригинальный вывод о том, что к началу XX в. гвардия была неоднородной структурой и в формате своих *«престижных»* частей и подразделений по-прежнему оставалась *«аристократическим оазисом»*, служба в котором открывала путь представителям *«высших эшелонов власти»* в *«высшие эшелоны власти»*. Как следствие, военная элита по-прежнему имела закрытый характер. При анализе механизмов социализации и ресоциализации отрезка формирования и совершенствования профессиональных навыков делается вывод о том, что подавляющую часть ее представителей отличали по-

средственностью, низкий профессионализм, поверхностное отношение к своим профессиональным обязанностям;

7) впервые в отечественной исторической науке были проанализированы традиционные и неконвенциональные образования Гвардейского корпуса. Особое внимание при этом уделялось особенностям его командного состава и степени его психологического воздействия на подчиненных. Также впервые был осуществлен всесторонний анализ личности великого князя Владимира Александровича, придавшего Гвардейскому корпусу черты армии «мирного времени». Соискателем был сделан вывод о том, что удельный вес высших командных должностей, замещаемых офицерами неконвенциональных образований, резко возрос, что указывало на изменение характера войны;

8) впервые были проанализированы социальное поведение и мировоззренческие установки представителей военно-политической и военной элит. Было доказано, что в основной своей массе они вели праздный образ жизни, характерный для правящего класса в целом. Автор делает оригинальный вывод о том, что значительная часть высшего генералитета вплоть до конца 1914 г. не желала верить в то, что в стране идет война, и продолжала жить в формате сознания «мирного времени», сохраняя выработанные поведенческие сценарии, что вызывало раздражение армейского офицерства, а со временем переросло в resentment и легло в основу катастрофы 1917 г.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется широтой источниковой базы, включающей опубликованные и архивные материалы, а также применением научных методов при их анализе.

Апробация исследования проводилась путем чтения отдельных курсов (и спецкурсов) в формате затрагиваемых в работе научных областей, а также в ходе выступлений на международных и всероссийских конференциях.

По теме диссертации были сделаны доклады на 18 конференциях (10 международных), состоялись публикации в изданиях, рекомендованных ВАК (27 публикаций), и журналах, входящих в РИНЦ.

Структура диссертации. В структурном плане работа состоит из введения, четырех глав (включающих тринадцать параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, отдельного тома приложений (101 приложение). Каждая глава содержит разделы, посвященные отдельным проблемам.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель, задачи и хронологические рамки исследования, характеризуется методологическая основа работы, выявляется степень ее научной новизны. Обозначаются ключевые положения, выносимые на защиту, определяется практическая значимость, указываются формы апробации результатов исследования.

В **первой главе** «Военная и военно-политическая элиты как объект научного анализа» проводится анализ историографии, связанной с проблемой изучения военной элиты российской империи в рамках ее основных составляющих: офицерского корпуса русской армии как целостного образования (а также «офицерского вопроса»); отдельных групп генералитета (в рамках эволюции данной социальной категории); офицеров российской императорской гвардии.

В **первом параграфе** «Идентификация военной и военно-политической элиты: методологические подходы, постановка вопроса» анализируются основные теоретические межпредметные подходы, связанные с идентификацией понятий «военно-политическая» и «военная» элиты. Выявляется эволюция понятийного пространства, определяются основные индексы и содержательные составляющие рассматриваемого институционального и социокультурного явления. Делается вывод о том, что подавляющая часть исследований по-прежнему оставляет проблему открытой, что обусловлено сложностью ее комплексного решения. Вплоть до сегодняшнего дня тема изучения высших слоев российской военной машины рассматриваемого отрезка времени как военно-политической и военной элит вызывает острые споры историков, носит незаконченный характер.

Во **втором параграфе** «Проблема рассмотрения военной и военно-политической элиты в отечественной историографии» анализируется степень изученности темы, при этом предлагается системно-хронологический *подход* к построению историографической модели.

Выделяются четыре этапа и обозначаются четыре группы работ, связанных с рассмотрением заявленного комплекса проблем: 1) работы рубежа 80–90-х гг. XIX в. – 1917 г.; 2) работы 1917 – начала 60-х гг. XX в. (с 30-х гг. – «сталинская историография»); 3) исследования середины–конца 60-х–1-й половины 80-х гг.; 4) исследования конца 80-х гг. XX в. – вплоть до начала 2-го десятилетия XXI в.).

Делается вывод о том, что уже к началу XX в. появляется ряд исследований, демонстрирующих глубокое осмысление процессов, происходящих в российской армии и структурах военного управления, в первую очередь военной активности России и ее влияния на реформирование всей военной машины. В основном это работы отдельных военных теоретиков и ученых, являющихся офицерами Генерального штаба, либо состоящих в штате Николаевской академии Генерального штаба: П.А. Режепо¹, Е.И. Мартынова, Н.Н. Головина, Г.И. Бобрикова², Н.Д. Бутовского³, Д. Парского¹, А.Ф. Риттиха² и ряда др. исследователей.

¹ Режепо П.А. Статистика генералов. СПб., 1903; Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905; Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909.

² Бобриков Г. Основные проблемы государственной обороны. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 344-364.

³ Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899; Бутовский Н.Д. Повести из современной офицерской жизни. СПб., 1914.

В них предпринимаются первые попытки выявить место русской армии и ее офицерского корпуса в истории Отечества, а также проанализировать ситуацию, сложившуюся в армии на рубеже веков. Так, Режепо подробно анализирует общее состояние высшего эшелона командного состава императорской армии в основных его статистических показателях.³ Его идеи получают развитие в работах Генерального штаба генерал-майора Мартынова. Впервые в отечественной истории генерал предпринимает попытку анализа процессов элитообразования, выделяя «старую», аристократическую и «новую», плутократическую модели рекрутирования военной элиты.⁴

Значительной ценностью обладают работы, анализирующие причины поражения России в кампании 1904-1905 г. г. В данном случае весьма сдержанны в критических оценках своих действий и действий своих коллег представители самой военной элиты. Свое понимание произошедшего оставили генералы Д.А. Милютин⁵, А.П. Скугаревский⁶, А.Н. Куропаткин⁷ и ряд др. Отдельные офицеры, например, Милютин, указывают на абсолютную бездарность практически всего командного состава («старших генералов») русской армии в Манчжурии.⁸ Генерал Скугаревский выступает с жесткой критикой Генерального штаба и сложившейся в его стенах порочной системы чинопроизводства. Он подчеркивает, что императорская гвардия также серьезно «отстала от жизни».⁹

Куропаткин связывает причину деградации офицерского корпуса с разрушением высокого профессионального и культурного уровня российского офицерства.¹⁰

Чрезвычайно аккуратны в оценках общего состояния вооруженных сил, а также отдельных групп офицерского корпуса, включая высший командный состав, и генштабисты, например, генерал Н.Н. Янушкевич¹¹ и полковник В.П. Никольский.¹² Их оценки общего состояния вооруженных сил можно назвать примером сдержанной лояльности.

¹ Парский Д. Что нужно нашей армии. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 206-223.

² Риттих А.Ф. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1897.

³ Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 17-18.

⁴ Там же. С. 67-68.

⁵ Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 95-115.

⁶ Скугаревский А.П. Очерки и заметки. Вып.3. СПб., без года изд. // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников. Под ред. В.Н. Лобова. 2-е изд. М., 1991.

⁷ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны. СПб., 2002; Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003.

⁸ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 99.

⁹ Скугаревский А.П. Указ. соч.

¹⁰ Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 180.

¹¹ Янушкевич Н.Н. Состояние вооруженных сил России со времени введения общеобязательной воинской повинности. Важнейшие реформы в военном деле в царствование императора Александра III. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. М., 2009. С. 705.

¹² Никольский В.П. Военное дело в России при вступлении на престол императора Николая II и перед войной 1904-1905 гг. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. М., 2009. С. 721.

Значительный массив исследований по военной истории начала XX в. был представлен группой работ справочного характера, затрагивающих отдельные области военного дела, а также процесс эволюции отдельных частей и подразделений, например, императорской гвардии.¹ Определенный интерес представляют истории отдельных гвардейских полков. Их отличает высокая степень субъективизма и очевидный эпистолярный характер. Они отражают исключительно «официальную точку зрения».²

Таким образом, для исследований особенностей русской армии и «офицерского вопроса» рубежа XIX–нач. XX вв. характерно восприятие офицерского корпуса как сложного и неоднородного явления. Предпринимаются первые попытки его «поверхностной» стратификации. В работах, написанных после русско-японской войны 1904-1905 гг., прослеживается желание не только выявить и осмыслить просчеты в развитии военного дела, но и определить вероятные способы их преодоления, в том числе и на путях создания новых механизмов комплектования офицерского корпуса, включая его высшие эшелоны.

Содержание подавляющей части аналитических работ определяется господствующей идеологией и, при очевидной критике отдельных проблем, проникнуто монархическим верноподданническим духом.

Вторую группу работ составляют исторические исследования советских историков 1917–начала 60-х гг. XX в. (с 30-х гг. оформляется «сталинская историография», в которой общее содержание понимания исторического процесса связано с установками «Краткого курса истории ВКП(б)»³). Данный период отличался крайней односторонностью суждений и был детерминирован характерными для отдельных этапов эволюции советской политической системы идеологическими установками.

¹Штейнгель В. Императорская российская Гвардия 1700-1878, (хронологические таблицы). СПб., 1878; Императорская гвардия. Справочная книжка. СПб., 1910.

²Потоцкий П., капитан л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896; Лейб-гв. Конный полк. Краткий очерк истории. СПб., 1904; Из прошлого. Исторические материалы лб.-гв. Семеновского полка. СПб., 1911; Краткая история лб.-гв. Семеновского полка. СПб., 1910; Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1-2. СПб., 1883; Боборовский П.О. История лб.-гв. Преображенского полка 1700-1914 гг. СПб., 1904; Вишняков Е.П., Мартынов А.Г. История лб.-гв. Преображенского полка (1683-1872). СПб., 1872; Боборовский П.О. Потешные и начало лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1899; Стрелки Императорской Фамилии. Исторический очерк. СПб., 1881; Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899; Краткая история лб. гв. гусарского е. в. полка. СПб., 1910; Бенкендорф, ротмистр. Краткая история Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. СПб., 1880; Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны полка. Составлен корнетом К. Александровским. Приложение. СПб., 1896; История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. Составлена офицерами полка. СПб., 1876 г.; Зносков-Боровский Н.А. История лб.-гв. Измайловского полка. СПб., 1882; История лейб-гвардии Егерского полка за 100 лет 1796-1896. СПб., 1896; Воронов П.Н., Бутовский В.Д. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875; Гоувальт О.Х. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1852; Сорокин Б., капитан. Наше прошлое. Боевая жизнь и мирная служба Л.-Гв. Литовского полка. Краткий очерк. Варшава, 1900.

³ По этому поводу исследователи Л.П. Репина, В.В. Зверева и М.Ю. Парамонова пишут следующее: «С начала 1930-х и до начала 1940-х исследователи констатируют полное подчинение науки требованиям партийно-идеологической системы, ликвидацию любой научной альтернативы марксизму и пресечение научных поисков в самом марксизме» (см.: Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 223)

К середине–концу 1920-х гг. еще сохранялась группа аналитиков¹, преимущественно из среды офицеров царской армии, перешедших на сторону советской власти и имевших относительно *адекватное* представление о российской военной машине предвоенного периода. Среди представителей указанной группы в первую очередь следует выделить генерала А.М. Зайончковского. В своих исследованиях генерал смещает акцент на анализ структуры русской армии, механизмов ее материально-технического обеспечения, особенностей стратегии и тактики в отдельных кампаниях XIX–нач. XX вв.²

К 1930-м гг. окончательно оформляется устойчивое представление о крайней «реакционности» русского офицерства (в первую очередь генералитета и гвардии) периода правления Николая I – Николая II. Примером работ подобного типа, эксплуатирующих «классовый подход», можно считать исследование Н.А. Левицкого «Русско-японская война 1904-1905 гг.». Автор определяет общий уровень офицерского корпуса как «состояние крайнего упадка» и настаивает на том, что командный состав, комплектуемый из «прогнившей аристократии»³, не был способен «вести солдатские массы к победе» *в принципе*. В свою очередь в отношении «генштабистов» указанный исследователь писал: «Офицеры русского генерального штаба по характеру своей практической деятельности мало соответствовали предъявляемым к ним требованиям».⁴

Великая Отечественная война позволила переосмыслить роль и место армии в истории России, стимулировала желание к ее изучению. Среди множества сравнительно однотипных в сюжетном и методологическом плане работ можно выделить исследования А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина, В.И. Бовыкина и ряда др., в которых, тем не менее, развиваются тематические сюжеты предыдущего историографического отрезка.

В качестве примера некой «разделительной линии» между историографией «сталинского периода» и новыми историческими трендами, навеянными процессом частичной «десталинизации», можно считать отдельные работы конца 50–нач. 60-х гг. XX в. Но даже в них прослеживается и сдержанное восхищение личностью «вождя», и резкая крайность, и односторонняя однозначность оценок социально-политических процессов и социальных агентов дореволюционной России.⁵

Таким образом, историографию 30–нач. 60-х гг. отличала высокая степень политизации, что в свою очередь вело к невозможности объективного осмысления и оценки процессов и агентов отечественной истории.

¹ Представителей денной группы достаточно сложно назвать серьезными учеными, а выводы их работ не выходят за пределы профессионального горизонта.

² Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. Со вступительной статьей М.Н. Тухачевского. Штаб Р.К.К.А. Управление по исследованию и использованию опыта войны, 1926.

³ Левицкий Н.А., комбриг. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1936. С. 28.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Бритов В.В. Рождение Красной армии. М., 1961; Шакула А. В чем сила Советской Армии. М., 1958; Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958; Шатагин Н.И. Организация и строительство Советской Армии в 1918-1920 гг. М., 1954; Волков И.М. Строительство Красной Армии в 1918 г. М., 1956.

К концу 1960-х гг. были предприняты первые попытки глубокого переосмысления военного прошлого России. В центре исторического анализа оказывается армия и ее основные сегменты, в том числе офицерский корпус и генералитет, при этом анализ отдельных групп военной элиты все еще остается закрытой темой.

Значительный вклад в возрождение интереса к переосмыслению роли и места офицерства (включая генералитет и гвардию) в этот период внес П.А. Зайончковский.¹ По мере углубления исследовательского предметного поля его ранние суждения претерпели эволюцию. Работы историка отличались серьезным отношением к историческому факту и стремлением максимально объективно отразить и интерпретировать сложную совокупность исторических процессов.

В своих ранних исследованиях Петр Андреевич подчеркивал, что русское офицерство теряло свою однородность уже на стадии комплектования, что отражалось и на отдельных родах войск. Особенностью сложившейся к нач. XX в. системы был крайне низкий образовательный уровень генералитета. В то же время из общей массы офицеров Зайончковский выделял «гвардейцев», сохранивших привилегии «особого места» в российской военной машине. Важнейшим выводом ученого являлась оценка офицерского корпуса как социально неоднородного, многослойного явления. Оставаясь на позициях «старой» «социальной истории», Зайончковский совершает своеобразную эпистемологическую революцию и переводит изучение офицерства XIX–нач. XX вв. на совершенно новый исследовательский уровень.²

Частные аспекты изучения офицерского корпуса Российской империи, в том числе и в формате социоисторического анализа его отдельных групп, предпринимались в указанный период в работах таких историков, как А.Г. Кавтарадзе, Л.Е. Шепелев, А.И. Сорокин³, Г.П. Мещеряков, К.Ф. Шацилло, Ю.Б. Соловьев, И. Васин⁴.

Исследования этих историков содержат фрагментарный материал, затрагивающий лишь отдельные индексы высшего командования России. Так, в исследованиях А.Г. Кавтарадзе рассматривается условная социальная совокупность офицеров и генералов, причисленных к Генеральному штабу. В своей фундаментальной работе «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.»⁵ он проследил динамику и процесс рекрутирования кадровых штаб-офицеров и генералов в большевистские вооружённые

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв. (1881–1903 годы). М., 1973; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

² Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881–1903 гг.). // Военно-исторический журнал. 1972. № 3; Зайончковский П.А. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX–XX веков. // История СССР. 1973. № 1; Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69; Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 70–98.

³ Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 годы. М., 1955.

⁴ Васин И. Армия и революция. М., 1973.

⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

силы и отразил в статистических таблицах персоналии генштабистов, служивших в РККА и примкнувших к Белому движению.

В целом в работах указанных авторов темы изучения социальной истории военной элиты и ее влияния на развитие русского социума либо игнорируются, либо сознательно обходятся стороной.

Для характеристики «официального тренда» 70-х–нач. 80-х гг. XX в. показательна работа Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке»¹, являющаяся классическим примером советской «старой» социальной истории. По сути это статистический анализ, выполненный на уровне «Всеподданнейших отчетов Военного министерства», издаваемых в 60-80-е гг. XIX в. Автору исследования удастся уйти от излишней политизации своей работы, сосредоточившись на значительном по объему статистическом материале, обработка которого привела к однозначному выводу о «нежелании низов жить по старому и неспособности верхов по-старому управлять».²

В монографии «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала» Бескровный обращается к проблеме изучения русской армии начала XX в. Небольшой раздел исследования посвящен анализу отдельных групп офицерства. Примечательно, что именно в этом исследовании офицеры Генерального штаба низводятся до уровня «военных профанов». По мнению автора, они «имели слабое представление о тактике современного боя», «не могли осмыслить рождавшиеся формы оперативного искусства».³

Таким образом, для работ 2-й половины 1960-х – 1-й 1980 гг. характерна большая степень свободы в трактовках отдельных проблемных полей и относительное разнообразие методологических решений (в границах марксистской парадигмы), в том числе и определённые заимствования (в рамках критического переосмысления) из отдельных зарубежных исследований. В частности, прослеживается тренд, имеющий все признаки «новой» «социальной истории».

В указанной временной лакуне выходит значительное число исследований научной и научно-публицистической литературы *русского зарубежья*, в которой предпринимается попытка понять истоки произошедшей катастрофы. Ряд работ посвящён истории русской армии, ее офицерскому корпусу. В данном случае можно выделить исследования А.А. Керсновского, В. Драгомирова, В. Флуга и др.⁴ Для подавляющей части эмигрантов, в том числе аналитиков и военных историков «от гвардии» (П. Краснова, А. фон Лампе, Г. Гоштовта и ряда др.), проблема «размывания» офицерского корпуса, ли-

¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал. М., 1973.

² Там же. С. 608.

³ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. / Ответственный редактор академик А.Л. Нарочницкий. М., 1986. С. 38.

⁴ См. например: Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 т. М., 1994; Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924 (Белград). Кн. 5; Флуг В. Высший командный состав. // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. 1937. № 128-136; 1938. № 140-142.

шение его «аристократического» начала, разрыв с «петровской традицией» являлись едва ли не основной причиной неудач в Великой войне и крушения империи, а в какой-то мере и предательством со стороны самой военно-политической элиты, которая стремилась изменить армию, но сама меняться не желала.

Четвертую группу составляют исследования 2-ой половины 1980-х гг. – первого десятилетия XXI в. Необходимо отметить, что даже в середине 80-х гг. продолжал господствовать стереотип негативного восприятия офицерства царской России, которое на институциональном уровне по-прежнему позиционировалось как целостное явление. В то же время отдельные историки предпринимают попытку стратификации офицерского корпуса на «более» и «менее» «реакционные группы» и даже выделяются отдельные «прогрессивно мыслящие» его представители.

Именно в этот период у историков появляется интерес к изучению российской императорской гвардии, определению ее места в российской военной машине.¹

В период «перестройки» исследовательское сообщество получает доступ к ранее закрытым архивным фондам, что в конечном итоге позволяет преодолеть систему идеологических запретов и клише. В короткий срок сформировался исследовательский тренд, связанный со всесторонним изучением офицерского корпуса XIX–нач. XX вв. (своеобразным драйвером становится «белогвардейская» тематика). Появляются работы, затрагивающие не только армию в целом, но и ее отдельные социальные категории: корпус офицеров Генерального штаба, военное чиновничество, генералитет, императорскую гвардию. Российские исследователи используют методы ведущих зарубежных научных школ. Определенную популярность получают военная и историческая антропология, социокультурная история, историческая психология и ряд других направлений.

Важной вехой становится перенос внимания и исследовательских акцентов на анализ мировоззренческих установок, аттитюдов, системы групповых и личностных ментальных переживаний и проекций.

Из ранних исследований указанного отрезка времени особый интерес оригинальностью выводов представляет работа В.Д. Поликарпова². В частности, он возлагает ответственность за провоцирование и последующее «нагнетание» революционного процесса на офицеров Генерального штаба. Поликарпов высвечивает конфликт между императорской гвардией и корпусом офицеров Генерального штаба, который оттеснял монархически ориентированное гвардейское офицерство, являющееся опорой престола, на вторые позиции. Оценив значение гвардии в судьбе России как ключевое, исследователь считал офицеров Генерального штаба олицетворением «... той военной шайки, которая в VII.1917 года, уже во время кризиса, прибрала к рукам го-

¹ Офицерский корпус русской армии перед I Мировой войной. // Вопросы истории. 1981. № 4; Беловинский Л.В. Русская гвардия в XVIII - XIX в. в. // Вопросы истории. 1983. № 9.

² Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1989.

сударственную власть».¹ В то же время к проблеме изучения военной элиты исследователь относится более чем критично, придерживаясь «марксистского скепсиса» в отношении «элитологии».

Важной вехой в изучении офицерского корпуса Российской империи стала работа историка С.В. Волкова «Русский офицерский корпус», увидевшая свет в 1993 г.² Автор обосновывает необходимость переосмысления роли и места русского офицера в дореволюционной истории, подчеркивая, что офицер имел особый социальный статус и был не только «защитником русской земли», но и формировал особое культурное поле «дворянской России» (представлял «наиболее привилегированную часть» этого сословия).³ По мнению Волкова, представители офицерского корпуса не только служили в военной машине, но и фактически *принимали участие в управлении государством*. В работе осуществляется подробный анализ «пути русского офицера», микроисторических аспектов офицерской повседневности. В то же время Волков уделяет недостаточное внимание теме инкорпорированности русского офицерства во власть. В работе отсутствует стратификация офицерского корпуса, вследствие чего он воспринимается как гомогенная среда.

Логическим продолжением данной работы становится вышедшая в 2001 г. монография «Трагедия русского офицерства», в которой затрагивается судьба отдельных групп офицеров Генерального штаба, гвардейских частей и подразделений в революционный и послереволюционный периоды. Несмотря на очевидную новизну излагаемого материала, автор по-прежнему пребывает в границах своего прочтения офицерской тематики.

С появлением работ Волкова открывается новая страница в исследовании не только русской, но и советской армии. Именно в постсоветский период (на фоне размывания марксистской парадигмы) обозначается интерес к изучению военной элиты, при этом первоначально в качестве элиты рассматривался весь офицерский корпус.

Следующим шагом в изучении военной элиты стало выделение в качестве самостоятельного объекта исследования топа военного слоя – высшего генералитета. Данные исследования первоначально велись в отношении советской («красной») армии. Программой работы становится докторская диссертация С.Т. Минакова⁴, защищенная в 2000 г. и получившая отражение в монографии с аналогичным названием⁵. В рамках заявленного исследовательского тренда Минаковым было написано несколько работ, высвечивающих отдельные аспекты комплекса проблем, на страницах которых обыгрываются сюжеты, связанные с повседневностью военной элиты СССР, ее во-

¹ Там же. С. 88.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

³ Там же. С. 30.

⁴ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов: состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль: диссертация на соискание ученого звания доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2000.

⁵ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.

влеченности в процессы развития РККА, а также в политическую борьбу 20–30-х гг.¹ В целом советская военная элита по-прежнему интерпретируется как форма «меритократии».

Своеобразным продолжением затронутой Минаковым темы можно считать увидевшую свет в 2003 г. монографию А.А. Печенкина «Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление».²

Новый этап в изучении военной элиты может быть связан с исследованиями Е.Ю. Сергеева.³ Указанный историк демонстрирует российскую военную элиту рубежа XIX–нач. XX вв. как сложное, «многослойное» явление. При этом он не ограничивается определением места в военной иерархии или «фактором профессионализма», а выделяет сложную совокупность параметров идентификации «элитарности» (социальное происхождение и семейное воспитание; образовательный уровень; особенности служебной карьеры; систему моральных ценностей и представлений). Ученый стремится доказать, что в пореформенной России существенную роль начинают играть офицеры Генерального штаба, которые в конечном итоге противопоставляют себя группам военной элиты, формирующимся в рамках традиционной модели (социальное происхождение – престижное военно-учебное заведение – гвардейские полки). Исследователь отстаивает идею демократизации армии и выдвижения на важные командные посты «разночинцев» и «крестьян», отличающихся «выдающимися способностями». В целом вклад указанного исследователя в изучение рассматриваемого комплекса проблем очевиден. Его работы отличает высокая степень концептуальной выверенности и очевидной значимости для последующего развития изучения военной проблематики рубежа XIX–нач. XX вв.

Важной вехой в изучении российского офицерства как сложного, многослойного явления стало диссертационное исследование И.Н. Гребёнкина «Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.».⁴ В своей работе исследователь обозначает два основных «элитных образования» в российской армии начала XX в.: *российскую императорскую гвардию и офицеров* Генерального штаба. Он подчеркивает, что их наличие нарушало «единство офицерского корпуса», вступившего в некую полосу демократического перерождения.

Ученый предлагает свою модель «стратификации» военной элиты, включающую в себя следующие основные уровни: гвардейское офицерство; генштабисты; отдельные группы генералитета; представители отдельных родов войск (в последнем случае исследователь допускает возможность стратификации российского офицерства *по родам войск*, выделяя артиллерию, кавалерию и инженерные войска в отдельные группы, отличающиеся более

¹ Минаков С.Т. Военная элита 20-30-х годов XX века. М., 2004. Он же. Сталин и его маршал. М., 2004. Он же. Сталин и заговор генералов. М., 2005.

² Печенкина А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003.

³ См.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001.

⁴ Гребёнкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 – 1918 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. Владимир, 2011.

высоким уровнем подготовки). Историк подчеркивает: «Ощущение розни между армией и гвардией, представителями разных родов войск, дворянскими «верхами» и демократичными «низами», отношения соперничества среди выходцев из гвардии и Генерального штаба в кругах генералитета являлись типичными внутри офицерского корпуса».¹ Затрагиваемому комплексу проблем также посвящена монография «Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг.»².

Следует отметить то, что исследования Гребёнкина оказали значительное влияние на процесс изучения военной элиты Российской империи предвоенного периода и на отрезке Первой мировой войны.

Параллельно с исследованиями генералитета и офицеров Генерального штаба постепенно обозначается тренд, связанный с изучением дискретного элемента военной элиты – российской императорской гвардии.

В 1994 г. в «Военно-историческом журнале» был опубликован ряд статей И.В. Образцова под общим названием «Российские офицеры». Исследования указанного историка можно считать отправной точкой в изучении гвардейской проблематики в интересующих нас хронологических рамках.

Особенности службы офицера в «старой армии», в том числе и императорской гвардии, рассматривали такие авторы, как В.А. Рунов, А.С. Сенин, Г.М. Стрельников, М.И. Дьяченко, А. Кривицкий, Б.Л. Валеев, Л. Бублик, А.И. Таланов, В.И. Семченко, В.А. Рыбин, Б.И. Антонов и др. В поле их интереса оказались проблемы специфики офицерской службы в императорской гвардии, причем во многих случаях они рассматривали гвардейскую тематику крайне поверхностно.

Определенное место в изучении гвардейской тематики начала 2000-х гг. занимает диссертация Д.А. Тутина «Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции».³ Работу можно оценить как определенное приращение информационного поля, связанного с изучением императорской гвардии как целостного явления, богатого фактологической составляющей и лишённого глубокого аналитического содержания.

Из исследований, затрагивающих судьбу российской императорской гвардии, написанных во 2-ой половине 2010-х гг., следует выделить работы О.Г. Гончаренко и Р.Ф. Невезецкого. Книга Гончаренко⁴ является компиляцией из отдельных исследований как дореволюционного, так и современного отрезка развития российской военной истории. В частности, он приводит отдельные текстовые блоки и из наших ранних работ.⁵ Научная ценность данной «монографии» крайне низка. Исследование Невезецкого⁶ является свое-

¹ Там же. С. 30.

² Гребёнкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914-1918 гг.: монография. – Рязань, 2010.

³ Тутин Д.А. Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции: диссертация на соискание уч. степени кандидата исторических наук: 07.00.02. СПб., 2002.

⁴ Гончаренко О.Г. Три века императорской гвардии. М., 2006.

⁵ Чувардин Г.С. Старая гвардия: социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел, 2002.

⁶ Невезецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700-1918). М., 2009.

образным развитием дореволюционных работ справочного характера барона Штенгеля и Шенка¹. Несмотря на то, что работа носит ярко выраженный описательный характер, она является существенным вкладом в приращение информационного поля, связанного с изучением истории императорской гвардии.

Важное место в анализе отдельных категорий военной элиты (командующих военными округами) занимает увидевшее свет в 2012 г. исследование А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Ковалевского, В.Е. Ковалева.² В нем анализируется эволюция военно-окружной системы с момента ее возникновения и вплоть до ее упразднения, при этом в контексте общего анализа рассматриваются персоналии командующих округами. Анализ личности отдельных командующих округами носит поверхностный характер, а выводы, отличающиеся высокой степенью категоричности, зачастую опираются на отдельные извлечения из одного-двух источников. Авторам не удалось показать командующих округами представителями военно-политической элиты империи. Вместе с тем сделан серьезный задел для последующих исследований в указанном предметном поле.

Из исследований последнего времени особого внимания заслуживает работа А.В. Гущина,³ в которой автор наряду с элементами социальной истории проводит анализ психологической атмосферы, царящей в первую очередь в офицерском корпусе России периода русско-японской войны. Автор анализирует сложный комплекс конфликтов, обозначившихся в среде российского офицерства и, безусловно, генералитета к началу боевых действий и со всей остротой проявившихся уже в ходе самой войны. Исследование важно для понимания особенностей социальной трансформации русской армии под воздействием необратимых перемен конца XIX–начала XX вв.

«Юбилейный заказ» на историю Первой мировой войны породил ряд исследований очевидно конъюнктурного порядка. К таковым можно отнести работу А.А. Порошина «Проигравшие победители. Русские генералы»⁴. В работе рассматривается судьба 21 генерала, «командующими армиями фронта» на европейском ТВД. Автор исследования пытается проанализировать жизненный путь указанных офицеров с самого начала их военной карьеры, провести компаративистский анализ, составить некое подобие «коллективного портрета» представителей данной условной социальной совокупности. В то же время работа крайне скудна архивными материалами, которые подгоняются под определенные концептуальные решения. Примечательно, что

¹ Императорская Российская Гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. / Составил генерал-лейтенант, барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1878; Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской квартиры. / Под редакцией В.К. Шенка. Издание 2-е. по 1-ое Мая 1910 г. СПб., 1910.

² Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862-1918. М., 2012.

³ Гушин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014.

⁴ Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.

общая исследовательская направленность монографии пересекается с работами более раннего периода, например, статьями С.С. Жебровского.¹

Автор исследования настаивает на том, что указанная группа офицеров являлась подлинной элитой российской армии, отождествляясь с образом «офицера нового типа», офицера с «элитным военным образованием», полученным в самых престижных военно-учебных заведениях Российской империи. В своей идеализации «элитности» офицеров Генерального штаба, а также «элитного характера обучения» в Николаевской академии автор неоригинален и сближается с глубокой и научно обоснованной концепцией Е.Ю. Сергеева.²

Отдельные аспекты рассматриваемой нами проблематики также затрагивались в исследованиях *жанра исторической биографии*. В центре научного интереса историков данного направления оказался ряд затрагиваемых в нашем исследовании персонажей, в частности: генерал-фельдмаршалы граф Д.А. Милютин³ и князь А.И. Барятинский⁴, барон В.Б. Фредерикс⁵, граф И.И. Воронцов-Дашков⁶, Нахичеванский Гуссейн-Хан⁷, барон К.-Г. Э. Маннергейм⁸, граф Н.П. Игнатъев⁹, представители семейств светлейших князей Витгенштейнов¹⁰, Нарышкиных¹¹ и др.

Массив работ указанного формата весьма значителен, как следствие, нами были выделены исследования, в той или иной степени соприкасающиеся с предметным полем нашей диссертации.¹²

В группе данных исследований особое место занимает работа О.Р. Айрапетова, посвященная генералу Н.Н. Обручеву¹³, которого исследователь уподобляет германскому и русскому генерал-фельдмаршалу графу Хельмуту фон Мольтке-старшему. В данной работе на основе анализа биографии генерала Обручева рассматриваются особенности развития русской военной машины второй половины XIX в. В работе также затрагиваются особенности высшего командного состава и специфика взаимоотношений, в первую очередь профессиональных, между его представителями. Автор работы не был

¹ Жебровский С.С. Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. Выпуск 2; Жебровский С.С. Высший командный состав армии ген. Самсонова в августе 1914 г. // Университетский историк. Альманах. 2008. Вып. 5; Жебровский С.С. Профессиональная подготовка высшего командного состава русской армии в начале XX века. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: сборник статей. СПб., 2008.

² Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001.

³ Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005.

⁴ Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.

⁵ Земляниченко Н.А. «Old Gentleman» Фредерикс и император Николай II. Симферополь, 2007.

⁶ Исмаил-Заде И.Т. И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005; Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.

⁷ Иванов Р.Н. Генерал-адъютант Его Величества. М., 2006.

⁸ Мери Вейо. Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997.

⁹ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. М., 2009.

¹⁰ Краско А.В. Забытый герой войны 1812 года генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн. М., 2012.

¹¹ Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005.

¹² Например: Зверев С.В. Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов-на-Дону, 2013; Петухов А.Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии. В 2 т. М., 2014.

¹³ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб., 1998.

ориентирован на детальный анализ особенностей военной элиты империи 2-ой половины XX в. Как следствие, его выводы и оценки обращены к личности генерала Обручева, фигура которого заслонила контекстное поле социальной истории военного ведомства и его отдельных сегментов.

К *самостоятельному компоненту* биографического жанра также можно отнести монографии и диссертации, затрагивающие жизнь и профессиональную деятельность отдельных представителей правящего Дома Романовых.¹

В XXI в. появляется ряд исторических исследований постмодернистического характера. Они находятся на стыке различных систем знания, но в целом содержат так называемый культурологический контекст и претендуют на звание «понимающей истории». Среди исследований подобного рода можно выделить работы, обращенные к анализу культурного и духовного пространств российской власти и, как следствие, отдельных групп элиты. Например, работы Р.С. Уортмана², И.В. Зимина, Дж. Р. Сола и ряда других авторов.

Таким образом, в постсоветской исторической науке оформляется устойчивая тенденция, связанная с изучением офицерского корпуса Российской империи на различных этапах его становления. За последние десятилетия обозначилось многообразие концептуальных подходов к отдельным аспектам изучения российского офицерства, его места в русском социуме, его «войны и мира» (как в рамках узконаправленной проблематики, так и во всеохватывающем формате изучения быта и повседневности). Очевидно, что решение указанных проблем породило переход к необходимости возникновения различных в жанровом отношении исследований междисциплинарного характера. В то же время в подавляющей части исследований военная элита не рассматривалась как система. Отдельные категории и корпорации изучались фрагментарно, как дискретные образования. Тема изучения военно-политической элиты и ее стратификации как объекта социальной истории не поднималась. Подавляющая часть исследований по-прежнему оставляет проблему открытой, что обусловлено сложностью ее комплексного решения. По отдельным направлениям, например, связанным с изучением офицерского корпуса императорской гвардии и его существенным влиянием на процессы,

¹ Кряжев Ю.Н. Военно-организаторская деятельность Николая II как главы государства: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. Курган, 2000; Думин С.В. Романовы. Семейная хроника. М., 1998; Гришин Д.Б. Трагическая судьба великого князя. М., 2006; Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Перед вечной красотой. М., 2008; Хрусталева В.М. Великий князь Михаил Александрович. М., 2008; Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. СПб., 2012; Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865-1881 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2014. и ряд др.

² Уортман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2004; Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010; Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010; Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.

происходящие в российской военной машине рубежа веков, исследования практически не ведутся.

В **третьем параграфе** «Источниковая база исследования» анализируется массив источников, использованных для написания работы. В силу значительного объема источниковой базы и ее разнопланового содержания она делится на несколько самостоятельных групп (с учетом дифференциации источников на *опубликованные* и *неопубликованные* (архивные)).

В работе были использованы неопубликованные документы из фондов архивов:

- Российского государственного военно-исторического архива;
- Государственного архива Российской Федерации;
- Российского государственного исторического архива;
- Государственного архива Орловской области.

В диссертации были использованы массивы источников формализованного, частично формализованного и неформализованного (нарративного) характера.

Иерархическая структура использованных в процессе написания работы *источников* представлена:

- государственными законодательными актами (извлечения из «Полного Собрания Законов Российской Империи», «Основных Государственных Законов» 1906 г., «Свода военных постановлений 1869 г.»; «Положение о Главном управлении Генерального Штаба», «Положение о военных училищах и кадетских корпусах», отдельных воинских уставов и ряда др. законодательных сводов);
- делопроизводственными материалами (приказы и распоряжения по отдельным ведомствам, воинским соединениям, отдельным частям и подразделениям; документы, связанные с учетом личного состава, аттестационные и послужные списки отдельных офицеров и ряд др.; важнейшее место в данной категории источников представляют документы канцелярии великого князя Владимира Александровича, проливающие свет на специфику функционирования войск Гвардии и СПб. военного округа¹);
- особым видом источников – справочными изданиями (частично формализованные источники; например, извлечения из «Всепопданнейших Отчетов Военного Министерства», «Справочных книжек...» и «Памятно-справочных книжек...» для офицеров и ряд др. документов²);

¹ ГАРФ. Ф.652. Оп. 1.

² Справочная книжка для офицеров. / Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Ч. I. М., 1902; Справочная книжка для офицеров и чиновников служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства. / Составил Подполковник Висковский. М., 1897; Справочная книжка для офицеров, отправляющихся в отпуск. / Составил поручик Швачкин. СПб., 1898; Артиллерия. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. / Составил В.В. Квадри. Исправлена и дополнена под редакцией В.К. Шенка. По 20-е Марта 1909 года. СПб., 1909; Памятно-справочная книга для командиров отдельных частей войск. / Составлена на основании существующих постановлений, правил, положений и руководства генерал-лейтенантом Карцовым. СПб., 1880; Справочная книжка всех должностей военного и гражданского ведомства, которые могут быть занимаемы военными чинами штаб и обер-офицерского звания, с указанием окладов содержания, этим должностям присвоенных. Составлена по сведениям к 1 июня 1890 года. СПб., 1890.

- статистическими материалами (данная группа также носит частично формализованный характер: «Военно-статистические ежегодники армии», массивная статистическая работа «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России» полковника А.Ф. Риттиха¹, «Краткие расписания сухопутных войск»² и «Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей»³ и др.);
- периодической печатью⁴ (включая специальные издания, относящиеся к военному ведомству или освещающие особенности его функционирования⁵);
- источниками личного происхождения (источники неформализованного или нарративного характера: воспоминания, дневниковые записи (источники автотелекоммуникативного характера) и мемуары (источники межличностной коммуникации с неопределенным адресатом) различных категорий лиц, связанных с военным ведомством, военной и военно-политической элитой, а также личную переписку (документы межличностной коммуникации с фиксированным адресатом).⁶ Особый интерес представляют так называемые «жен-

¹Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. Составил Генерального Штаба полковник А.Ф. Риттих. СПб., 1875.

²Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-ое июля 1903 г. СПб., 1903.

³Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 гг. СПб., 1858.

⁴Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904-1908). М., 2005; Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004.

⁵Журналы: «Разведчик» за 1904-1905 г. г.; «Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом» (издаваемый в Белграде); «Артиллерийский журнал. Орган правления общества всех русских офицеров артиллеристов во Франции» и ряд др.

⁶Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991; Гавриил Константинович, князь императорской крови. В мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб., 1993; Великий князь Константин Константинович Романов (К. Р.). Воспоминания о Государе Императоре Николае II. // Император Николай II. Тайны Российского императорского двора. М., 2013; Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911-1915. М., 2013; Дневник Великого Князя Сергея Александровича. 1877. // Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2 (1877-1880). М., 2007; Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915-1918. М., 2012; Редигер Александр Федорович. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999; Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг. Т. 1. М., 1924; Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010; Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992; Спиридович А.И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. 2-е издание. Жуковский; М., 2006; Игнатъев А.А., граф. 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002; Игнатъев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013; Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1970; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996; Маннергейм Карл Густав. Мемуары. М., 1999; Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007; Киреев А.А. генерал от кавалерии. Дневник. 190-1910. М., 2010; Палицын Ф.Ф. Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914-1916). Т. 1. М., 2014; Экк В.Э. От русско-турецкой до мировой войны. Воспоминания о службе. 1868-1918. М., 2014; Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002; Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. М., 2007; Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964; Скоропадский Павел. Мое детство на Украине. // Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – Грудень 1918. Київ-Філадельфія, 1995; Кравков В.П., тайный советник. Война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014; Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905-1917. Буэнос-Айрес, 1951; Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931; Врангель П.Н., барон. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Т. 1. М., 1992; Деникин А.И. Путь русского офицера. // Путь русского офицера. М., 2002; Деникин А.И. Старая армия. М., 2005; Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003; Никольский Е.А. Записки о прошлом. М.,

ские воспоминания», отличающиеся специфическим характером передачи информации.¹

Весь массив вышеперечисленных документов мы также можем разделить на синхронные (переписка, личные дневники) и ретроспективные (мемуары, воспоминания).

Кроме этого использовались *источники переходного типа* (по классификации Л.Н. Пушкарева), совмещающие в себе *актовый и справочный*, а также *справочный и статистический материалы*. Наибольшую ценность в данном случае представляют «*Списки (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов...» отдельных гвардейских частей*².

Информационная структура данной группы источников включает в себя сведения: о времени и месте рождения; профессиональной принадлежности; специфике брачных отношений (в отдельных списках указывается имя жены, а также дается информация о детях); особенностях образования (в первую очередь военного); специфике карьерного роста; участии в боевых действиях; наградах и прочих поощрениях; занимаемой на момент составления списка должности. В списках периода правления Александра III в отдельных случаях дается краткая аттестация каждого офицера полка с пометкой о пригодности его к занимаемой должности. Общая плотность листов указанных документов колеблется в зависимости от рода войск (в инфантерии до 40, в стрелковой бригаде до 15-20, в кавалерии до 25-30, в артиллерии 35-40 листов) и имеет предельно форматизированный характер заполнения. Указанная группа документов позволяет составить коллективный портрет офицера как отдельных гвардейских частей, так и всей гвардии в целом. Значительный интерес в этом плане также представляют «Списки Генерального Штаба» (за 1907 и 1914 г. г.) и «Послужные и аттестационные списки...» отдельных офицеров³. Большой по объему массив информации был также из-

2007; Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008; Девлет-Кильдеев Н.М., Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902-1914 гг. Последние мирные годы. СПб., 1914; Лешков Д.И. Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. М., 2004; Семенов Г.М. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002; Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004; Дневник Распутина. М., 2008; Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1 (2-е издание). Ленинград, 1924; Мемуары графа С.Д. Шереметьева. Т. 1. М., 2004; Мещерский В.П., князь. Мои воспоминания (1850-1865 гг.). Ч. 1. СПб., 1897; Половцев А.А. Дневник Государственного секретаря. В 2 т. М., 2005; Вельяминов Н.А. Мои воспоминания об императоре Александре III, его болезни и кончине. // Русский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX век). Выпуск V. М., 1994; Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921; Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004; Трубников А.Н. Воспоминания. Орел, 2004; Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991 и др.

¹Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990; Клейнмихель М.Э., графиня. Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014; Мейендорф В., баронесса. Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. М., 2012; Буксгевден С., баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М., 2012; Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М., 2006; Чакрабон Нариса, Хантер Эйлин. Катя и принц Сиам. М., 2004; Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008; Фон Ренненкампф В.Н. Воспоминания. М., 2013; Палей О. Воспоминания о России: с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2016 и др.

²РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2; Ф. 2577. Оп. 2 и др.

³РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-76 (Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича); РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 340-373об. (Полный послужной список наслед-

влечен из регулярно публикуемых «Списков генералам...» (за 1855-1916 г. г.) и «Списков полковникам по старшинству» (за 1901-1912 г. г.).

Значительный интерес представляют извлечения из «Штрафных журналов» («Алфавитных журналов взысканий...») гг. офицерам л.-гв. Конного и Конно-Гренадерского полков (в первом случае за 1905-1914 гг., во втором – за 1853 г.).¹

Анализ задействованных для написания работы документов позволяет утверждать, что для решения заявленной совокупности задач имеется достаточный объем *разноплановых* источников.

Во **второй главе** «Военно-политический «Олимп» царской России и элитосодержащие институты императорской армии (1881–1914 гг.)» дается комплексный анализ высшего слоя военно-политической элиты империи: великокняжеской среды (включая императоров и наследников престола) и важнейших элитосодержащих институтов. Речь идет о Генеральном штабе, представители которого могут быть выделены в самостоятельную социальную категорию «высшие офицеры Генерального штаба», Военном Совете и Александровском комитете раненых, члены которых составляли группу «военной геронтократии».

В **первом параграфе** «Великокняжеская среда и ее место в системе военно-политической элиты» дается анализ великокняжеской среды (включая «князей императорской крови») как особой властной корпорации. Данную социальную категорию составляли военные чиновники, стоящие во главе государства. В данном случае речь идет об императоре как «*Державном Вожде российской армии и флота*», «цесаревичах» и значительной группе великих князей, «вынуждено» (по «факту рождения») инкорпорированных в военно-политическую элиту. Каждый из значимых великих князей имел свою особую «епархию» в армии. Несмотря на то, что интеллектуальные способности и личные качества великих князей, включая императоров, оставляли желать лучшего, отдельные представители данной категории оказывали существенное влияние на развитие армии.

Во **втором параграфе** «Офицерский корпус Генерального штаба: социальный облик «военного интеллектуала» анализируется корпус офицеров Генерального штаба.

В рассматриваемый отрезок времени в Российской империи оформляется новый тип офицера – «военный интеллектуал», что было обусловлено техногенной и наукоемкой составляющей современных войн. Подготовка военных интеллектуалов возлагалась на Николаевскую академию Генерального штаба, обучение в которой становится обязательной составляющей карьерного роста для всех категорий офицеров, претендующих на командование полком и выше. Качество выпускаемой из стен академии «военной меритократии» оставляло желать лучшего. Сложившаяся ситуация была вызвана кризи-

ника цесаревича Александра Александровича); ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11 (Послужной список великого князя Николая Николаевича-старшего) и др.

¹ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245; ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 80.

сом российской военной науки, порождённым «косметическим характером» военной модернизации эпох П.С. Ванновского и А.Н. Куропаткина (с 1881 по 1904 г. г.).

Комплекс источников позволяет составить социальный портрет генштабиста. Это был вчерашний, «несостоявшийся» гвардеец, как правило, из «коренных» (его предки служили в гвардии). Он чаще всего покидал гвардию ввиду скудости средств. Получив весьма сомнительное академическое образование, он стремился вернуться в структуры гвардии либо штабным работником, либо командиром полка. Только после русско-японской войны из академии стали выходить офицеры, делающие карьеру вне ареала аристократических институтов комплектования офицерского корпуса, что отчасти было связано с реформами Совета государственной обороны.

К началу Первой мировой войны значительная часть генералов, проходящих по спискам Генерального штаба, по-прежнему была связана с императорской гвардией, при этом подавляющая часть полных генералов числилась в гвардейских полках.

В третьем параграфе «Военный Совет и Александровский комитет раненых: «военная геронтократия»» дается всесторонний анализ указанных в названии институциональных образований, представители которых (маркированные как «военная геронтократия») являлись носителями некой «условной традиции» («старого духа») военной власти. Генералы-члены Военного Совета, несмотря на почтенный возраст, обладали реальной властью и оказывали влияние на принятие важных государственных решений. Деятельность Военного Совета, вплоть до эпохи Николая II, была крайне затруднена членством в нем престарелых генералов. К концу правления Александра III пребывание в Военном Совете было ограниченным конкретными сроками: ротация кадрового состава сделала его вполне жизнеспособным образованием.

Генералы-члены Александровского комитета раненых представляли типичный пример «псевдоэлиты». Данную структуру можно идентифицировать как привилегированную «государственную богадельню» для наиболее заслуженных, но уже лишившихся былого влияния генералов (возраст и физическое состояние «почтенных старцев» зачастую не позволяли им принимать участие даже в вопросах, касающихся компетенций комитета), осуществляющую контроль над прочими «военными богадельнями».

В третьей главе «Российская императорская гвардия как основная элитогенерирующая структура» осуществляется комплексный анализ императорской гвардии в формате Гвардейского корпуса как специфического элемента власти и особого сегмента российской военной машины. Исследуется общее (связывающее ее с остальной российской армией) и особенное; выделяются важнейшие компоненты гвардии как традиционного, так и неконвенционального характера. Основной целью анализа становится определение гвардии как элитобразующей/элитогенерирующей среды, формирующей особый стиль поведения и базовые структуры сознания в рамках

присущих ей механизмов социализации, характерных для представителей военно-политической и военной элит.

В **первом параграфе** «Императорская гвардия как институциональная среда» отмечается, что к концу XIX в. императорская гвардия предстает значительным по размерам, социально неоднородным организмом (ее можно стратифицировать как по родам войск, так и по отдельным соединениям и даже полкам), занимающим в российской армии особое место. Ее офицерский корпус являлся кадровой обоймой военной и военно-политической элиты империи, а также составлял одну из важнейших страт военной элиты.

Даже к началу XX в. российская гвардия сохраняла основные черты, типичные для первой половины XIX в., поскольку не подверглась «плутократической эрозии», характерной для других европейских стран (Германия, Великобритания).

Несмотря на то, что гвардия не принимала участия в военных конфликтах (начиная с эпохи Александра III), она вполне соответствовала современным требованиям военного искусства. Гвардия не являла собой «идеальное пространство», свободное от различного рода эксцессов, характерных для армии в целом. Ее можно позиционировать как консервативную среду, поведение представителей которой опиралось на сложную систему полковых традиций. Кроме военной, гвардия продолжала выполнять идеологическую функцию, являясь неотъемлемой частью властных инсценировок и важной атрибутивной составляющей сценариев власти рассматриваемой эпохи.

Наличие императорской гвардии являлось мощным основанием для консервации существующего политического строя и своеобразной гарантией его радикальной трансформации. Гвардия была своеобразным симбиозом «старого» и «нового», лучших черт и типичных пороков, характерных не только для военной элиты, но и для всей русской армии 2-й половины XIX – начала XX в. в.

Во **втором параграфе** «Казачья гвардия – основное «неконвенциональное образование» российской армии» анализируется гвардейское казачество в формате отдельных казачьих полков и Собственного Его Императорского Величества конвоя. Делается вывод о том, что данная часть гвардии являла собой сложный симбиоз казачьей традиции и черт, характерных для полков 2-й гвардейской («легкой») кавалерийской дивизии. Собственный Его Императорского Величества конвой сохранял свою особую специфику («традиционный фон»), так как в его составе прослеживалось определенное количество иноверцев-мусульман. К началу XX в. офицеры-мусульмане стали своеобразной экзотикой и только числились в составе гвардейских казачьих частей как «инородческая знать» Российской империи.

Особое внимание в параграфе уделяется изучению гвардейских казачьих генералов. Делается вывод о том, что казачьи генералы не были инкорпорированы в политическую власть. Их судьба и карьерный рост определялись общим характером продвижения по службе среднестатистического гвардейского генерала рубежа XIX-XX вв. В заключение подчеркивается, что гвар-

дейское казачество являло собой типичный для начала XX в. пример «военной меритократии».

В **третьем параграфе** главы «Гвардейская артиллерия – новая элитогенерирующая среда» всесторонне анализируются части гвардейской пешей и конной артиллерии.

Несмотря на очевидную опеку гвардейской артиллерии со стороны императорской фамилии, прослеживающуюся на всем протяжении XIX в., степень инкорпорированности ее генералитета в военно-политическую элиту была крайне низкой. Данное явление объяснялось, с одной стороны, узкоспецифическим характером подготовки гвардейских артиллеристов, формирующей особый «математический» стиль мышления: крайне низкий процент офицеров-артиллеристов заканчивал Николаевскую академию (артиллерия имела свое высшее военное заведение – Михайловскую артиллерийскую академию). Как следствие, весьма незначительное их число было причислено к Генеральному штабу, что в свою очередь влияло на «особый» путь артиллериста в области построения карьеры.

С другой стороны, гвардейские артиллеристы были обособлены в относительно закрытую «вотчину» генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича, имевшего весьма специфическое и ревностное представление о верности и удерживающего наиболее «симпатичных» и, как правило, талантливых генералов в пределах своей «вотчины», что мешало их карьерному росту.

Наконец, еще одной причиной следует считать длительное пребывание артиллерии в качестве рода войск, имеющего репутацию «*замарашки*». Так, при всей очевидной престижности службы в гвардейской конной артиллерии ее нельзя было сравнить с сулящий стремительный карьерный взлет службой в блистательных аристократических гвардейских полках «петровской бригады» или «кирасирской» дивизии. Гвардейская артиллерия уступала даже полкам второй гвардейской пехотной дивизии.

В то же время после кампании 1904-1905 г. г. процент артиллерийских генералов в различных структурах военно-политической и военной элит существенно возрастает, что было вызвано резким ростом техногенной и наукоемкой составляющих современной войны.

В **четвертом параграфе** главы «Гвардейские стрелки как особое «Царево войско»» анализируются подразделения (батальоны) гвардейской стрелковой бригады. Подчеркивается, что как самостоятельный сегмент военной машины империи они оформились в эпоху Александра II, но свою особую идентичность получили лишь при Александре III. Именно в этот период они приобрели специфический внешний вид и функции, отличные от выполняемых основной массой гвардейских полков, – в первую очередь «охранительную». Значительная часть стрелков делала карьеру, выполняя «особые поручения» и «службы» (в том числе и в структурах полиции, что являлось неприемлемым для значительной части гвардейцев). Дальнейшая карьера офицеров гвардейских стрелковых батальонов была более быстрой и

успешной и, как правило, шла по линии Гвардейского корпуса и отдельных структур Санкт-Петербургского военного округа. Командиры гвардейских стрелков находились на особом положении и представляли собой пусть и типичных, но хорошо проверенных на верность офицеров, предки которых выдвинулись на военной службе и пользовались покровительством императора.

В четвертой главе «Высший командный состав российской императорской гвардии в 1881–1914 гг.» рассматривается социокультурное пространство высшего командного состава Гвардейского корпуса как представителей и посредников между различными институтами политической и военной власти.

В первом параграфе «Во главе императорской гвардии: место в. к. Владимира Александровича в военной истории России 2-й половины XIX–начала XX вв.» предпринимается попытка реконструкции психологических особенностей командующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича, а также содержания «духовной атмосферы», царящей в императорской гвардии в этот период. В силу специфических особенностей иерархии российской военной машины данная «атмосфера» транслировалась через «ближний круг» великого князя различным группам подчиненных. Стиль руководства князя, маркированный нами как «softskills» (модель управления, перекликающаяся с суворовскими и кутузовскими традициями), определял характер поступков высшего командного состава гвардии, «отзеркаливающего» поведение начальства.

В то же время некоторые исследователи склонны полагать, что Владимир Александрович уклонялся от выполнения своих обязанностей, переложив бремя управления округом на плечи своих подчиненных. Великий князь действительно вел богемный образ жизни. Являясь высокообразованным человеком, не чуждым эстетическим переживаниям и изыскам, будучи вхожим в среду деятелей различных отраслей искусства и принятый в этой среде в качестве «своего», он был вынужден вести внутреннюю психологическую борьбу между личностью холодного и прагматичного военного чиновника и человека «высокого искусства», движимого внутренними страстями, яркими переживаниями, эксцессами. Владимир Александрович олицетворял собой уходящую эпоху, наполненную «куртуазной мифологией прошлого».

Пришедший ему на смену великий князь Николай Николаевич-младший отличался излишней прямолинейностью, бескомпромиссностью и даже «жесткостью». Николай Николаевич-младший хотя и слыл профессионалом, но был импульсивен и «тяжел» в общении. Это вело к бесконечным интригам и постоянным конфликтам с подчиненными, которые его открыто боялись. Складывалось впечатление, что он отчаянно и во многом безуспешно пытался раскачать «традиционно сонное» «русское военно-чиновничье болото».

Во втором параграфе «Высший командный состав Гвардейского корпуса» анализируется социальный состав и социальная динамика высшего ко-

мандного состава Гвардейского корпуса: командующих Гвардейским корпусом, командиров гвардейских дивизий и бригад.

Высший эшелон военно-политической элиты был представлен генерал-инспекторами различных родов войск, офицерами, стоящими во главе войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а также Гвардейского корпуса. Нижний уровень состоял из командиров гвардейских кавалерийских и пехотных дивизий.

Должность командира гвардейской бригады можно считать неким пограничьем между военно-политической и военной элитами, своеобразным трамплином на вершину властного Олимпа. К началу правления Николая II подавляющая часть высшего гвардейского начальства (уровня командиров дивизий и бригад) превратилась в *своеобразную декорацию* к отдельным структурам Гвардейского корпуса, ритм и качество жизни в которых во многом определялись полковыми командирами. В то же время командный состав гвардейских полков составлял нижний слой военной элиты империи. Указанная должность открывала значительные перспективы для проникновения в высшие слои политического Олимпа.

Можно утверждать, что основной массив гвардейских генералов происходил из сословия потомственных дворян (в наиболее престижных частях прослеживался значительный процент выходцев из титулованной и нетитулованной аристократии: русской, остзейской, кавказской, среднеазиатской), принадлежал к семьям «коренных» гвардейцев, исповедовал православие (более 80 %; в то же время в ряде полков прослеживался значительный процент протестантов из «остзейских баронов»), имел многодетные семьи. В мировоззренческом плане гвардейские генералы являлись убежденными монархистами, в основной своей массе преданными Престолу.

Социальный вес и авторитет представителей данной категории был значительно выше прочих генеральских корпораций. Подавляющая часть «военной знати» к указанному отрезку времени продолжала связывать свой жизненный путь и карьерные устремления с императорской гвардией.

В третьем параграфе «Быт и повседневность военной и военно-политической элиты (на примере гвардейского генералитета)» в рамках микроисторического анализа предпринимается попытка реконструкции повседневной жизни представителей высшего комсостава Гвардейского корпуса как типичных носителей поведенческих особенностей военной элиты империи (как на уровне «формализованных сценариев», так и различных форм девиантности).

Проведенный нами анализ быта и повседневности представителей военной элиты позволяет составить *условный перечень* типичных для данной социальной группы внеслужебных пристрастий и хобби: различные виды коммерческих игр; охота и рыбная ловля; спорт; театр; модные занятия (музыка и музицирование, живопись, поэзия и литература, фотография); коллекционирование; посещение клубов и фешенебельных ресторанов; попытки (и зачастую успешные) ведения научной деятельности.

Основная часть генералов не выходила за пределы своих профессиональных обязанностей, а в свободное время была склонна к праздному образу жизни в полном объеме, используя преимущества своего статуса и соответствующих ему привилегий. Стиль повседневной жизни генералитета совпадал с пристрастиями представителей влиятельных аристократических родов и отдельных групп политической и культурной элиты империи.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы, вытекающие из его содержания.

В процессе исследования были выделены и изучены институциональные условия формирования, функционирования и динамики основных групп военно-политической и военной элит.

1. Основными *элитосодержащими структурами* военного сегмента российского общества последней трети XIX–нач. XX вв. являлись:

- на уровне *военно-политической элиты*: Правящий Дом и примыкающие к нему влиятельные аристократические кланы, Свита Его Императорского Величества, высшая военная бюрократия и военные администраторы и т.д.;

- на уровне *военной элиты* – часть высшего генералитета: инспекторы родов войск (с их штабами); командный состав крупных воинских соединений от корпуса до бригады, часть высшего офицерства Генерального штаба (профессорско-преподавательский состав Николаевской академии Генерального штаба, несомненно, должен быть отнесен к военной элите). Именно на уровне отдельных подсистем Генерального штаба шел процесс формирования *слоя контрэлиты*: военной меритократии, представленной группой офицеров-интеллектуалов.

В свою очередь слой *псевдоэлиты* был представлен так называемой «военной геронтократией» (члены Военного Совета, Александровского комитета раненых), как правило, не обладающей реальной властью.

Основными *элитообразующими структурами военной машины* Российской империи являлись императорская гвардия (и ряд традиционно связанных с ее комплектованием военно-учебных заведений, главным из которых оставался Пажеский корпус, подавляющая часть выпускников которого заполняла вакансии в гвардейских полках¹ и со временем пополняла ряды генералитета) и, в силу сложившейся конъюнктуры, Николаевская академия Генерального штаба. Таким образом, карьерный рост представителей военной элиты определялся *происхождением, службой в императорской гвардии, обучением в Николаевской академии Генерального штаба с последующим причислением к Генеральному штабу, в отдельных случаях участием в боевых действиях («боевые генералы»)*.

¹ Дараган П.М. Воспоминания. // Пажи – рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004. С. 26-32.

Важное влияние на вхождение в профессию также оказывала «близость» к Престолу. Именно ее степень определяла возможность поступления в элитобразующие учебные заведения, «выхода» в императорскую гвардию, получение придворного звания и должности.

Степень «близости» также могла определяться назначением адъютантом к одному из великих князей или лиц, приближенных к престолу, вокруг которых прослеживаются значительные группы креатур, замыкающихся на императорскую гвардию как своеобразную «*великокняжескую вотчину*». Проникновению в элиту также способствовало назначение в Свиту Его Императорского Величества, определяемое личными предпочтениями императора.

К началу XX в. на фоне падения престижа военной службы обозначилась мода на светские учебные заведения. Часть *jeunesse dorée* устремилась в университеты, но не все оказались способны учиться в них¹. Представители указанной группы, как правило, шли в гвардию (через «экзамен на офицерский чин»), которая по-прежнему гарантировала успешную военную карьеру.

2. Военная реформа Милютина предполагала, что существенную роль в армии станет играть «военно-интеллектуальная элита» – офицеры Генерального штаба. Это увязывалось с изменением характера войны, в первую очередь ее наукоемкой и технической составляющими. Закономерно, что после русско-японской войны обучение в Николаевской академии Генерального штаба (а также отдельных офицерских школах) стало новой и необходимой ступенью в успешной карьерной лестнице (командование полком как отправная точка «генеральской» карьеры). В то же время существенный процент выпускников академии по-прежнему принадлежал к отдельным военным династиям, связанным с императорской гвардией и придворной службой. Мы пришли к выводу, что при поступлении и дальнейшем обучении в Николаевской академии «гвардейцы» имели явные преимущества перед «армейцами» и реже подвергались отсеву. С другой стороны, гвардейцы, прошедшие двухгодичный срок обучения в академии, шли в полк с повышением в чине, что вызывало раздражение сослуживцев и вынуждало переводиться в армейские полки, превращая их в «контрэлиту».

3. Существенной проблемой являлось качество «академического образования». Анализ источникового материала позволил сделать вывод о том, что даже в начале второго десятилетия XX в. значительная часть офицеров Генерального штаба имела весьма смутное представление о вооруженных силах вероятного противника и демонстрировала незнание основ ведения современной войны. «Академики» на штабных должностях не обладали реальной властью и в основном являлись *обслуживающим персоналом* отдельных групп реальной элиты. Как следствие, очевидна необходимость переоценки образа офицера Генерального штаба начала XX в., сложившегося в отечественной истории за последние 10–15 лет.

¹ На 1.01.1898 г. общее число студентов в университетах Российской империи составляло 16204 чел. (в СПб. Императорском ун-те – 3568, в Московском – 4418).

Таким образом, главным «карьерным трамплином» оставалась служба в гвардии как традиционном элитообразующем и элитосодержащем институциональном образовании.

4. Анализ структуры императорской гвардии и ее офицерского корпуса позволяет идентифицировать данное образование как своеобразный рудимент аристократического прошлого России. Трансформация данной структуры была возможна только в контексте трансформации самой власти. Гвардия настолько глубоко интегрировалась в структуру политической власти, что со временем стала ее важнейшим институтом.

К концу XIX в. императорская гвардия предстает как значительное по численности социально-неоднородное образование, занимающее в российской армии особое место. Как уже отмечалось, ее офицерский корпус являлся ярко выраженной кадровой обоймой военной и военно-политической элиты и сам представлял одну из ее важнейших страт. *Императорская гвардия вынужденно формировала элиту внутри самой элиты.* Она сохранила черты, характерные для первой половины XIX в., и фактически не подверглась «плутократической эрозии». Гвардия являла собой относительно закрытое консервативное пространство, поведение представителей которого опиралось на сложную систему полковых традиций. По мере прохождения всех ступеней профессионального роста гвардейцы делали все возможное, чтобы поддержать «своих», «наполняя» ими отдельные группы военной и политической элит. В то же время гвардия не может позиционироваться как «идеальная среда», свободная от различного рода эксцессов, характерных для армии в целом.

Наличие императорской гвардии являлось мощным основанием для консервации существующего политического режима и своеобразной гарантией от его «модернизации» (допустима отдаленная аналогия со стрельцами рубежа XVII–XVIII в. в.).

В структуре императорской гвардии выделяются особые *«неконвенциональные»* образования (гвардейские казаки, стрелки, артиллеристы), которые:

- представляли определенную самобытность русской армии и особый путь развития отечественного военного искусства;
- демонстрировали процесс эволюции сценариев власти, трансформация которых в сторону так называемой «русификации» стала очевидна в эпоху императора Александра III;
- определяли новые тенденции в развитии военного дела.

В то же время генералитет указанных образований сложно дифференцировать от остальной группы гвардейских генералов.

5. Важную роль в формировании духовной и мировоззренческой атмосферы императорской гвардии играл великий князь Владимир Александрович, возглавлявший войска Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа с 1881 по 1905 г. г. Он был типичным старорежимным представителем власти, активно эксплуатирующим мировоззренческие и поведенческие стереотипы эпохи Александра II. Характерный для него стиль управления превра-

тил гвардию в войско «мирного времени»: гвардия, следуя за «системой переживаний» своих вождей, не была готова к войне в принципе, а ее старшие офицеры вообще не собирались воевать.

6. Проведенный просопографический анализ гвардейского генералитета (от высшего комсостава Гвардейского корпуса до командиров бригад) позволил сделать следующие принципиальные выводы:

- отправной точкой в анализе командного состава гвардейских кавалерийских и пехотных дивизий можно считать положение о том, что российский генералитет должен рассматриваться как социально-неоднородная группа;
- рассуждая о генералитете как об элите, целесообразно говорить о «гвардейском» генералитете;
- высший эшелон военно-политической элиты как генералитет в гвардии был представлен: генерал-инспекторами различных родов войск; офицерами, стоящими во главе войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, Гвардейского корпуса. По понятным причинам первую должность занимали великие князья, при этом решающую роль в управлении округом играли их «замы» и начальники штабов;
- нижний уровень, совмещающий в себе качества военно-политической и военной элиты, в гвардии был представлен командирами кавалерийских и пехотных дивизий.

Рассматриваемые социальные группы составляли: в кавалерии – преимущественно выходцы из влиятельных аристократических кланов; в пехоте и артиллерии прослеживается симбиоз представителей аристократических семейств (приблизительно 1/3) и «боевых» генералов, а также их отпрысков, выбившихся в генералы.

Подавляющая часть командиров гвардейских кавалерийских и пехотных дивизий начинала свою службу в гвардии (75-80 %), а в последующем командовала гвардейскими полками. Процент лиц, окончивших Николаевскую академию, резко возрастает только после русско-японской войны. Примечательно то, что подавляющая часть генерал-лейтенантов начала XX в. делала карьеру по «старой» схеме, в которой академия не играла решающей роли. В то же время в основной своей массе это была группа успешных военных чиновников и царедворцев, как правило, стесненных в средствах, имеющих большие семьи и крайне далеких от современных веяний в области военного дела. Подавляющая часть представителей рассматриваемой социальной категории имела опыт хотя бы одной войны (при этом в пехоте прослеживается значительный процент георгиевских кавалеров).

К началу XX в. боевой опыт более старшей возрастной группы генералов уже устарел, а «молодой» был связан с командованием мелкими подразделениями в формате роты или батальона; командиры гвардейских бригад также были отнесены к военной элите. Указанную должность можно считать неким пограничьем между военной и военно-политической элитой. Для последующего карьерного роста от командира бригады требовалось не допустить ошибку, то есть ничего не делать. Примечательно, что после русско-

японской войны появилась группа бригадных командиров из боевых офицеров, которая пыталась влиять на ситуацию во вверенных им соединениях, но в гвардии такое рвение не приветствовалось.

Высшее гвардейское начальство являлось *своеобразной декорацией* к отдельным частям, ритм и качество жизни в которых во многом определялся полковыми командирами.

7. Анализ быта и повседневности, а также мировоззрения военно-политической и военной элит демонстрирует, что круг их пристрастий был не столько обширен, сколько типичен для своего времени и в целом совпадал с поведенческими проявлениями представителей влиятельных аристократических родов и групп политической и культурной элиты. В основе своей их представители вели «мирную» жизнь светских обывателей. При этом можно было выделить отдельные фигуры, буквально погрязшие в лени и абсолютном безразличии к выполнению своего профессионального долга.

Представители высшего генералитета достигли определенной степени «сытости», к которой стремились всю жизнь, и делали все возможное в условиях растущей профессиональной конкуренции, чтобы сохранить свое место.

Следует подчеркнуть, что войны начала XX в. требовали высокой степени профессионализма и ответственности. Именно здесь выяснялось, что в головах у подавляющей части генералов от элиты оказалась «каша» из прошлого боевого опыта и каких-то обрывочных, зачастую сумбурных сведений, почерпнутых из весьма сомнительных источников. Значительная часть генералов имела весьма солидный возраст и серьезные проблемы с физическим и умственным здоровьем.

8. В конечном итоге мы сталкиваемся с проблемой, характерной для любой власти в условиях «вынужденных» реформ и модернизации, получающей выражение в желании изменить страну и общество, но при этом ничего не менять для себя (это очевидно прослеживается в фазе цивилизационного перехода). При этом возникает соблазн не только сохранить старое, но и создать инструменты «силового контроля» (как правило, на основе уже имеющегося исторического опыта, институтов и структур) за теми благами, которые порождают «новое», и, как следствие, не только сохранить, но и преумножить свои привилегии. На этом пути власть остро нуждается в «особых» социальных институтах и инструментах, способных защитить ее от стремительно перерождающейся общественной машины, и постепенно становится мощным препятствием на пути ее развития.

В Российской империи начала XX века преобладала «старая», аристократическая модель элитобразования (т. е. «старая» модель элиты). При этом именно военное ведомство, напрямую замыкающееся на власть, сдерживало поступательное развитие общества, а мощнейшим консервативным образованием (подобным стрельцам в эпоху Петра I) оставалась императорская гвардия.

Таким образом, к началу Первой мировой войны страна столкнулась с весьма неоднозначной ситуацией, которую можно назвать «идеологической

гипертелией» политической элиты, военный сегмент которой по-прежнему оставался превалирующим. Носители высших властных функций в основной своей массе потеряли связь с реальностью и погрузились в пространство симуляции устаревшей системы аттитюдов, уже вступившей в противоречие с серьезно мутировавшим в области мировоззренческого уклада русским обществом. Отличающиеся высоким консервативным содержанием механизмы первичной социализации представителей властной обоймы, а также очевидная фрагментация власти, вызванная ее стремительной бюрократизацией, породили эффект, при котором никто не брал на себя ответственность за развитие общества и государства, что в конечном итоге вылилось в грандиозную цивилизационную катастрофу.

IV. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Отдельные и основные концептуальные положения диссертации изложены в следующих **публикациях автора**:

Монографии по теме диссертации:

1. *Чувардин Г.С.* Старая гвардия: социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел: Вешние воды, 2002. 304 с.: ил.

2. *Чувардин Г.С.* Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. Орел: издательство А. Воробьева, 2005. 260 с.: ил.

3. *Чувардин Г.С.* Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления императора Николая II: Монография. Москва: издательство Московского экономико-лингвистического института, 2008. 220 с.: ил.

4. *Чувардин Г.С.* Глава 4. Эстетика и культура русской армии «Императорского периода». // Культурология и эстетика: проблема, подходы, дискуссии. Монография: коллектив авторов: Маслова И.С., Сальников Е.В., Леонова И.А., Чувардин Г.С., Гончарова И.В. Орел: ОрЮИ, 2009. С. 68-110.

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Чувардин Г.С.* «Дух Каушена» (Офицерский корпус «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии в Каушенском сражении). // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. Выпуск 7 (63). С. 356-362.

2. *Чувардин Г.С.* Образы военно-политической элиты Российской империи: кавалергард В.Н. Воейков. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2009. № 1. С. 181-187.

3. *Чувардин Г.С.* «Русский немец»: жизненная драма генерала А.А. фон Лампе. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2009. № 3. С. 50-59.

4. *Чувардин Г.С.* Военные события 1914 г. в воспоминаниях и оценках офицеров «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология, экономика, информатика. 2009. № 9 (64). Выпуск 11. С. 155-163.
5. *Чувардин Г.С.* Барон Петр Николаевич Врангель как представитель российской военной элиты начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2010. № 1. С. 118-132.
6. *Чувардин Г.С.* «Немецко-шведское» дворянство в офицерском корпусе российской императорской гвардии в начале XX века. // Диалог со временем. Альманах центра интеллектуальной истории ИВИ РАН. 2010. Выпуск 30. С. 337-352.
7. *Чувардин Г.С.* Роль и место «великокняжеской среды» в системе российской военно-политической элиты пореформенного периода. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2010. № 2 (10). С. 71-80.
8. *Чувардин Г.С.* Гвардия Петра I в событиях Северной войны 1700-1721 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2010. № 1 (9). С. 102-110.
9. *Чувардин Г.С.* Военно-политическая элита и проблема социокультурной стратификации государственно-политического пространства Российской Империи пореформенного периода. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2010. № 3 (37). Часть 2. С. 57-63.
10. *Чувардин Г.С.* Пажеский Его Императорского Величества корпус как важнейший инструмент формирования военно-политической элиты Российской империи XIX – нач. XX вв. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2010. № 3 (11). С. 67-72.
11. *Чувардин Г.С.* Властная элита Российской империи в пространстве европейского геополитического коллапса в преддверии Крымской войны. // Вестник Орловского государственного университета. 2010. № 5(13). С. 37-43.
12. *Чувардин Г.С.* Военно-политическая элита и «общественная машина» Российской империи пореформенного периода. // Власть (общественный научно-политический журнал Института социологии РАН). 2011. № 2. С. 136-142.
13. *Чувардин Г.С.* Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода. // Власть (общественный научно-политический журнал Института социологии РАН). 2011. № 3. С. 163-167.
14. *Чувардин Г.С.* «Гвардейский генералитет» и военно-политическая элита императорской России конца XIX–нач. XX в. // Вектор науки. Тольяттинский государственный университет. 2011. № 4 (14). С. 114-118.
15. *Чувардин Г.С.* Военно-политическая элита в системе государственной власти Российской империи пореформенного периода: социокультурная среда, традиции, проблема модернизации. // Известия Государственного Смоленского университета. Ежеквартальный журнал. 2011. № 1 (13). С. 202-212.

16. *Чувардин Г.С.* Великий князь Михаил Александрович как представитель военно-политической элиты Российской империи в жизни г. Орла и Орловской губернии. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение (ТГТУ). Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 121-130.
17. *Чувардин Г.С.* Офицерский корпус «казацкой гвардии» в системе военной элиты Российской Империи в последней трети XIX – начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2012). История. Литературоведение. Языкознание. С. 213-217.
18. *Чувардин Г.С.* Генералитет «казацкой гвардии» как сегмент военно-политической элиты Российской империи 1881-914 гг.: социокультурный аспект. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение (ТГТУ). Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2012. № 5 (19). Часть 1. С. 202-204.
19. *Чувардин Г.С.* Командный состав гвардейской артиллерии в эпоху правления Николая II как сегмент военной элиты Российской империи. // Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. 2013. № 2 (31). С. 64-69.
20. *Чувардин Г.С.* Гвардейская артиллерия в системе военной элиты Российской императорской армии в эпоху Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2013. № 4 (54). С. 95-102.
21. *Чувардин Г.С.* Великий князь Михаил Александрович как офицер Гвардейской конноартиллерийской бригады: микроисторическая реконструкция сценариев повседневности. // Вестник Орловского государственного университета. 2014. № 3(38). С. 80-84.
22. *Чувардин Г.С.* Александровский комитет о раненых как геронтократический компонент военной элиты Российской империи начала XX века. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №1 (57). С. 41-45.
23. *Чувардин Г.С.* Командиры гвардейских кавалерийских дивизий как элемент топа военно-политической элиты императорской России Александра III – Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 18-23.
24. *Чувардин Г.С.* Социокультурное пространство офицерского корпуса Гвардейской стрелковой бригады в эпоху правления императора Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1 (64). С. 45-49.
25. *Чувардин Г.С.* Психоментальные проекции и особенности мировоззрения военно-политической элиты Российской империи конца XIX – нач. XX в. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (февраль). С. 56-62.
26. *Чувардин Г.С.* «Остзейские рыцари» как военное сословие и элитобразующая среда: проблема социоидентичности и мировоззрения (1881-1914

гг.). // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (март). С. 64-68.

27. *Чувардин Г.С.* Великий князь Николай Николаевич-младший и эпоха упущенных возможностей (биографический подход). // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1 (74). С. 69-73.

Публикации по теме диссертации в других научных изданиях:

28. *Чувардин Г.С.* Гетман. (Историко-психологический портрет генерала П.П. Скоропадского). // Клио. Журнал для ученых. 2001. № 2 (14). Санкт-Петербург. С. 184-188.

29. *Чувардин Г.С.* К вопросу о «духовном компоненте» ментальности российской военной и государственной элиты начала XX века (на примере императорской гвардии). // Патристическое наследие: традиции религиозно-философской и педагогической мысли в России. Сборник докладов IV Образовательных чтений посвященных памяти свт. Феофана (Вышенского Затворника). Орел, 2002. С. 165-185.

30. *Чувардин Г.С.* В преддверии катастрофы... // Noblesse oblige: военные в традиционной культуре Старого света. Жизнь. Окружение. Нравы. Материалы II Всероссийской конференции 1-3 октября 2003 г. Выпуск II. Орел, 2004. С. 92-104.

31. *Чувардин Г.С.* Русская императорская гвардия в событиях революции 1905-1907 гг. // Сборник научных статей. М., 2005. С.78-102.

32. *Чувардин Г.С.* «Силовая акция» л.-гв. Семеновского полка в период декабрьских событий 1905 г. в г. Москве. // Силовое принуждение: история и современность. Тезисы общероссийской научно-практической конференции. 17 мая 2006 года. ГПИ ФСБ РФ. Голицыно, 2006. С. 23-25.

33. *Чувардин Г.С.* 1-я мировая война глазами офицеров российской «тяжелой кавалерии» (психоментальная реконструкция). // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: сборник научных статей. Выпуск 9. ОрЮИ МВД РФ. Орел, 2006. С. 68-73.

34. *Чувардин Г.С.* «Мы русские! С нами Бог!..» («тяжелая кавалерия в Первой мировой войне»). // Православие о отечественная культура: наука, образование, искусство: Материалы VII Всероссийского Образовательного форума, посвященного памяти свт. Феофана (Вышенского Затворника) с участием «Глинских чтений». Т. 1. Орел, 2006. С. 140-153.

35. *Чувардин Г.С.* Родион Яковлевич Малиновский: от солдата русского экспедиционного корпуса в окопах Шампани до Маршала Советского Союза. // Русский экспедиционный корпус во Франции (1916-1920). Материалы международного коллоквиума 7-8 ноября 2007. Орел, 2007. С. 64-86.

36. *Чувардин Г.С.* Народовольческий террор и проблема политического экстремизма в России во 2-ой половине XIX в.: социоментальный и государственно-политический аспекты. // Экстремизм как социально-философское явление: Сборник научных статей по материалам международной конференции. ОрЮИ МВД России. Орел, 2007. С. 140-146.

37. *Чувардин Г.С.* Последний дворцовый комендант империи (к истории жизни Владимира Николаевича Воейкова). // Человек в российской повседневности: история и современность. Международная научно-практическая конференция: Сборник статей. Пенза: РИО ПГСХА, 2008. С. 308-311.
38. *Чувардин Г.С.* Параметр «возрастной группы» в системе социокультурной реконструкции офицерского корпуса «старой гвардии». // Инновационные технологии в образовании. Сборник статей. Орел, 2008. С. 221-227.
39. *Чувардин Г.С.* Русская императорская гвардия в событиях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Международная научно-практическая конференция: Сборник статей. Пенза: РИО ПГСХА, 2008. С. 269-273.
40. *Чувардин Г.С.* «Февральский Апокалипсис» российской императорской гвардии. // Булгаковские чтения: II Международная научная конференция (памяти С.Н. Булгакова): сборник научных статей. Орел, 2008. С. 313-320.
41. *Чувардин Г.С.* Российская гвардейская линейная пехота от Нарвы до Полтавы. // Полтавская битва в контексте международных отношений в Европе в XVIII веке: историческая ретроспектива. Материалы международной научной конференции. Орел, 22-23 мая 2009 года. Орел, 2009. С. 49-53.
42. *Чувардин Г.С.* Русская Императорская Гвардия в февральских событиях 1917 года. // Прошлое и настоящее России: рождение национальной стратегии. Материалы Всероссийской конференции: «Россия между Февралем и Октябрем 1917 года: опыт, уроки, современность». 12-13 мая 2008. Орел, 2009. С. 48-63.
43. *Чувардин Г.С.* Его Императорское Величество... пан Гетман. // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов V Международной научной конференции. Белгород, 2009. С. 149-154.
44. *Чувардин Г.С.* Военно-политическая элита в системе государственной власти Российской империи: социокультурная среда, традиции, проблема модернизации. // Трансформация политической культуры: состояние и перспективы: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции по теме «Перспективы трансформации политического сознания и политической культуры в условиях глобализирующегося мира. Орел, 2010. С. 67-77.
45. *Чувардин Г.С.* Великое русское «ничто» пореформенного периода. // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Орел, 2010. С. 240-246.
46. *Чувардин Г.С.* Крымская война и ее влияние на Россию и Францию. // Франция-Россия: два народа – единая история и культура: Материалы российско-французского коллоквиума 24-25 сентября (г. Орел), проведенного в рамках Года Россия-Франция-2010. Орел, 2011. С. 54-58.
47. *Чувардин Г.С.* «Великокняжеская среда» и властная элита Российской империи 1881-1914 гг. // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием. Орел, 2011. С. 363-372.

48. *Чувардин Г.С.* Офицеры «Казачьей гвардии» как социокультурный феномен (1881-1914 гг.). // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием. Орел, 2012. С. 333-341.

49. *Чувардин Г.С.* Пажеский корпус как элитаобразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II. // Научный диалог. 2012. № 4. История. Социология. Культурология. Этнография. С. 39-58.

50. *Чувардин Г.С.* Члены российской императорской фамилии, как «элита крови», в системе военной элиты Российской империи на рубеже XIX-XX в. // Проблемы, противоречия и перспективы развития современного государства и общества: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Орел, 2013. С. 190-199.

51. *Чувардин Г.С.* Гвардейский артиллерист великий князь Михаил Александрович Романов как объект микроисторического анализа. // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13-14 мая 2014 г.: сб. статей. Оренбург: ОГПУ, 2014. С. 353-357.